

Вырезка из газеты

МОСКОВСКИЙ
КОМСОМОЛЕЦ

от 2.4.ОКТ 1973

г. Москва

Газета №

В. ЯРОШЕНКО

КАК ЭТО ДЕЛАЮТ

Давали Шекспира, шел спектакль «Король Генрих IV». Народный артист РСФСР Владислав Игнатьевич Стржельчик переодевался в своей уборной. На плечи ему накинули голубой с багровым подбоем плащ, застегнули железную пряжку.

Мы обменялись словами, обязательными при знакомстве, я боялся помешать актеру и сидел молча. Раздался звонок, помреж по радио пригласил актеров на сцену. Стржельчик лихим движением перехватил меч рукой в боевой перчатке — настоящий, тяжелый меч средневековья. И лицо его вдруг огрубело, стало яростным, фанатичным, ноздри раздувались в ожидании схватки, взор в каждом искал врага. Широким летящим шагом Генрих Перси (не зря его прозвали Хотспер — «горячая шпора») с гордо поднятой головой пронесся к сцене.

Не успев уловить мгновенного перехода, я невольно спросил:

— Как вы это сделали?!

Задал наивный этот вопрос, который, в сущности, ничем не отличается от желания разобрать игрушку, чтобы посмотреть, что там, внутри.

Но мы уже подошли к сцене, начинался второй акт, я едва успел проскользнуть в зал.

Генри Хотспер пружиной выскочил на просцениум. Была битва, он искал своего врага принца Генри, чтоб сразиться с ним. А принц искал его.

Как забыть этот бой на дощатом помосте, эту схватку мужчин, для которых планета тесна: на двухдюймовых корабельных досках вцепились

друг в друга принц Генри и Перси Хотспер. В душном, темном пространстве огромный и яростный Перси в залитой кровью холщовой рубахе меч свой обрушит на тонкого юного принца. И сшибутся они, как две стихии в полной тишине, где слышно только их дыхание да страшный лязг мечей. Хотспер с бешеной силой, как молот, крутанет свой меч, и он, свистя, разрежет воздух над нырнувшим вниз принцем. И тогда они схватятся врукопашную, и помост задрожит под ними. Обесилев, обнимутся, прижмется друг к другу, застынут. Но дотянется принц до ножа и снизу пырнет. Генри Перси обвиснет, готовый упасть. Толкнет его принц сапогом. Полетит неживое тело мятежника вниз в темноту, глухо ударится о помост.

Это не фехтование, это война.

Через несколько дней мне снова удалось встретиться с Владиславом Стржельчиком. Он вспомнил мой вопрос.

— Как это делается...

— Стржельчик крупными шагами мерил тесную артистическую комнату. — Если б были рецепты, точные, как для проявления фотопленки. Как это делается? Однажды я заболел перед самой пре-

мьерой «Трех сестер». Заменить меня нечем, а температура сорок один, и все в красном тумане. Ну привезли меня в театр, положили... Врачи кололи, старались сбить температуру. Сбили. (Рассказывает, сам удивляясь и нища ответа). Только я перестал слышать. Совсем оглох. Так и играл, по губам старался угадать, что говорят партнеры. После спектакля меня поздравляли, говорили, что сыграл великолепно. Я часто задумываюсь, что же такое игра?

И всякий раз это поразному. И никогда не знаешь заранее КАК. Потому и волнуешься перед каждым спектаклем.

Его опять ждали на сцене. Стржельчик приподнял воротник пиджака, сгорбился, сделал несколько нескладных шагов и вдруг стал очень старым человеком. Трясущими пальцами он вытащил из кармана мятый листок, разгладил, спрята- л назад. Передо мной был уже 89-летний оценщик мебели Грегори Соломон из спектакля «Целна».

Мысль мелькнула и унеслась, не сформировавшись: я хотел было попросить «сделать все сначала», но старик уже тащился по лестнице, и окликни я его — он бы не расслышал.

245